

УДК: 94(47)"17"

DOI: 10.25629/НС.2024.04.03

СТЕПЕНЬ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ ПОСАДСКИХ ОБЩИН В МАГИСТРАТСКОМ ПРАВЛЕНИИ В XVIII В. (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПОСЕЩАЕМОСТИ ВЫБОРОВ)

Гущина Д.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье приведены уточненные данные о посещаемости выборов в городские магистраты в 33 городах Европейской России в середине XVIII в. При подсчетах была предпринята попытка учесть лишь то посадское население, которое действительно обладало правом голосования. Были получены более высокие показатели явки, по сравнению с имеющимися в историографии. На основании процента явки на выборы в разных городах проанализирован уровень интереса посадских жителей к магистратским учреждениям. При анализе посещаемости были учтены такие ограничивающие факторы, как размер помещения, в котором проводился выборный сход или специальные выборные процедуры, например, многоступенчатое голосование. При рассмотрении городов, в которых уровень явки на выборы был низким, было обнаружено, что посадские жители уклонялись от выборов, либо подавали прошения в Главный магистрат с целью облегчить те тяготы, которые эта служба налагала на посады. Таким образом, посадские общины этих городов меньше интересовались магистратами, поскольку тяготы обеспечения магистратов служителями для посада превышали выгоды от этих учреждений. Также было рассмотрено, как на посещаемость сходов влияет выборный конфликт. Был сделан вывод о том, что внутрисадские конфликты и выборная борьба не провоцировали сильного всплеска посещаемости. В то же время, конфликты посадской общины с местной администрацией и попытки последней вмешаться в выборный процесс вызывали значительный рост посещаемости выборов. На основании этих данных сделан вывод о том, что одной из ключевых функций магистратов, которая интересовала посадское население, была защита от произвола местной администрации.

Ключевые слова

выборное городское управление, городские магистраты, посадская община, выборная активность, явка на выборы, воеводская канцелярия, Главный магистрат

Введение

Начиная с 1699 г. государственная власть активно реформировала сферу выборного городского управления. Эти преобразования оказали значительное влияние на социальное, экономическое и культурное развитие русского города, а также на взаимоотношения центральной власти, местной администрации и посадских общин. Большинство исследователей определяют фискальные интересы государства как одну из главных целей этих преобразований [41, 42, 39, 43]. Кроме того, реформы были связаны и с острой нехваткой кадров в низшем звене управления [38, с. 45]. Однако, функции и цели создания учреждений выборного городского управления в 1699-1760-е гг. не ограничивались лишь финансовой сферой. В той или иной степени, они затрагивали многие весьма важные для посадских общин вопросы: от судебных разбирательств до вопросов военного постоя. И если интересы и мотивации государственной власти в отношении выборных городских учреждений достаточно подробно изучены исследователями, то отношение к данным органам подвластного им посадского населения куда реже попадало в

фокус внимания ученых. В то же время интересы посадских жителей и их отношение к органам выборного городского управления во многом определяли то, кто будет исполнять административные функции в городе, и как именно эти функции будут исполнены. Учитывая особое значение развития городов как интеграционных экономических и культурных центров в жизни России, это определяет актуальность темы исследования.

Особым периодом в истории развития органов выборного городского управления стали 1700-1760-е гг. Что же несли посадским общинам преобразования в этой сфере? В 1699 г. по указу Петра I в городах были созданы земские избы, которые подчинялись находившейся в Москве Бурмистрской палате (Ратуше). Служители земских изб избирались из числа посадских жителей. Само по себе выборное управление отнюдь не было новшеством для русских городов. Однако создание земских изб отвечало интересам посадков: городские жители теперь подчинялись центральному учреждению и таким образом получали хоть какую-то защиту от произвола местной администрации. Тем не менее, в этих учреждениях не до конца был соблюден сословный принцип, а основания их деятельности не были определены достаточно четко. С учреждением губерний в 1708 г. земские избы вновь попали под управление местной администрации. Однако идея об учреждении центрального органа управления городским населением вновь нашла свое воплощение в созданном Петром в 1720 г. Главном магистрате.

Это учреждение стояло во главе сети городских магистратов, которые, также как и земские избы, комплектовались выборным путем из посадского населения. Магистратская система обладала куда более продуманной и определенной структурой. Кроме того, центральная власть предоставила этим учреждениям широкие судебные полномочия как в гражданских, так и в уголовных делах. Таким образом, с созданием магистратов посадские жители получили свой сословный суд, и вновь стали формально неподвластны местной администрации, на произвол которой нередко жаловалось купечество. На магистратские учреждения были возложены многочисленные обязанности: от контроля военного постоя и до учреждения больниц и библиотек. Многие из этих функций они едва ли могли выполнять в действительности: финансовые средства, которыми они могли распоряжаться, были существенно ограничены. Это позволяет ряду исследователей считать магистратскую реформу незавершенной [53, с. 133]. Помимо судебных дел, на магистратах лежала широкая финансовая ответственность за многочисленные государственные сборы.

Вскоре после смерти Петра I, в 1727 г. в целях экономии средств, Главный магистрат был упразднен. В 1728 г. городские магистраты были заменены ратушами. Таким образом, посадские жители вновь подпадали под управление местной администрации. Однако в 1743 г. магистратская система была восстановлена практически в том же виде, в каком она существовала при Петре I. Эта система просуществовала без особых изменений вплоть до губернской реформы Екатерины II.

Из всего вышесказанного можно заключить, что из всех учреждений городского управления первых трех четвертей XVIII в. интересам посадских жителей в наибольшей степени отвечали именно магистратские учреждения. Следует также отметить, что выборные документы магистратов сохранились в достаточном количестве, в отличие от таких же документов, посвященных выборам в ратуши и земские избы. Однако исследователи по-разному решают вопрос о том, в какой степени посадские тяглецы были в действительности заинтересованы в магистратах.

Краткий обзор литературы

Органы выборного городского управления являлись объектом изучения начиная с конца XVIII в., и все еще остаются предметом внимания среди ученых [55, 46, 47]. Однако сами посадские жители и их интересы исследовались значительно реже. В частности, попытка оценить заинтересованность посадских жителей в магистратских учреждениях была предпринята А.А. Кизеветтером в его фундаментальном труде «Посадская община в России XVIII ст.» [42, с. 738-739]. Ученый провел сравнение посещаемости выборов в магистраты в 23 русских городах. Степень избирательной активности посадских жителей А.А. Кизеветтер оценил как

весьма низкую. Интересы и стратегии купечества, отразившиеся в выборных документах Московского магистрата, были подробно проанализированы в статье А.В. Муравьева [52]. Еще одна попытка оценить степень заинтересованности посадских жителей в магистратских учреждениях была предпринята Л.С. Рафиенко. Исследователь изучала посещаемость выборов в магистратские судьи в сибирских городах, и также пришла к выводу о том, что количество избирателей на сходах было весьма невелико [54, с. 174].

При этом, однако, ряд исследователей приводят свидетельства того, что посадские жители все же были заинтересованы в существовании магистратов. Так, Б.Н. Миронов отмечает, что магистратские судьи в определенной степени зависели от избравших их посадских обществ, и вынуждены были считаться с их интересами [51, с. 490]. Подобной же позиции придерживается и Элисон Смит: ученый отмечает, что на практике магистратские учреждения стремились удовлетворять не только запросы центральной власти, но и интересы посадских общин [55, с. 64]. О том, что магистратская система во многом отвечала интересам посадков, свидетельствуют прошения купцов о том, чтобы восстановить магистраты после их ликвидации в 1728 г. [44, с.36]. Еще одним признаком интереса посадских жителей к магистратским выборам могут служить многочисленные конфликты и борьба, которая нередко разгоралась вокруг выборов в магистраты. Многочисленные примеры такой борьбы приводит А.А. Кизеветтер [42, с.767-771]. Также примеры выборных конфликтов можно обнаружить и исследованиях Н.В. Козловой [45] и А.В. Муравьева [52].

В то же время, исследователи отмечают и возможные негативные последствия магистратской службы для посадков [42, 43, 52]. Так, необходимость выбирать в бессрочную (то есть фактически пожизненную) службу наиболее финансово обеспеченных членов посадской общины было серьезной нагрузкой для посадков. Избранные в магистрат служители освобождались от тягла, которое ложилось дополнительным грузом на остальных посадских жителей. В то же время законодатель недвусмысленно велел в магистраты избирать «из граждан первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей» [1]. Именно такие люди могли собственным капиталом обеспечивать ту значительную финансовую ответственность, которая ложилась на магистраты. Поэтому наряду с конфликтами в борьбе за магистратские места, нередко были и случаи уклонения от выборов со стороны посадков [42, с. 752].

Результаты, полученные А.А. Кизеветтером и Л.С. Рафиенко, указывают на весьма низкий уровень посещаемости выборов. Посещаемость выборов является одним из наиболее значимых показателей выборной активности, а значит, и заинтересованности в деятельности самих магистратских учреждений. Правда, А.А. Кизеветтер, описывая полученные им результаты, заранее уточняет, что его подсчеты носят лишь приблизительный характер. При подсчете процента голосовавших от всего населения посада ученый учитывал все души мужского пола, указанные в самих выборных делах. Таким образом, для большинства дел 1740-х гг. А.А. Кизеветтер вынужден был пользоваться данными I-й ревизии 1720-х гг. Кроме того, исследователь подсчитывал посадское население, не имея возможности исключить несовершеннолетних, отпавших в рекруты, немущих, бежавших, умерших.

С учетом всего вышеизложенного, представляется важным более подробно проанализировать процент посещаемости выборных сходов в русских городах. Результаты этого анализа позволят дать более объемную картину выборной активности посадских жителей в отношении выборов в магистратские чины, а также выявить условия, с которыми связаны определенные колебания этой активности.

Географические и временные рамки исследования

В данном исследовании будет рассмотрена посещаемость магистратских выборов в 33 городах Европейской части России. В этих географических рамках представляется возможным рассмотреть выборные процессы на примере относительно гомогенного с административной точки зрения региона. В то же время широта географических рамок позволяет обратиться к достаточно широкой источниковой базе.

Временные рамки исследования (1720-е – 1760-е гг.) обусловлены спецификой развития магистратских учреждений. Именно в указанный период данные органы комплектовались и осуществляли свою деятельность на относительно неизменных основаниях.

Источники и методы исследования

Посещаемость выборов предложена в качестве релевантного критерия оценки на основании методик оценки электорального поведения [48], которые применяются как в политологии [49, с. 25], так и в исторических науках [47, с. 176].

Источником для данного исследования послужили выборные документы городских магистратов, хранящиеся в фонде Главного магистрата Российского государственного архива древних актов [3]. В частности, речь идет об избирательных ведомостях, в которых отразились не только списки выборных в магистратские чины, но и подписи выборщиков. Количество подписавшихся в той или иной избирательной ведомости было подсчитано и соотнесено с количеством совершеннолетнего посадского населения. Для подсчета количества совершеннолетних были привлечены ревизские материалы I и II ревизий [4], содержащие, в том числе, данные о возрасте того или иного тяглеца. Поскольку большинство изученных в рамках данного исследования дел относится к 1720-м гг., либо к 1744-1745 гг., когда проходило наибольшее количество выборов в магистраты, данные ревизских материалов I и II ревизии можно признать достаточно релевантными относительно численности посадского населения.

Куда большую трудность представляет подсчет совершеннолетних посадских жителей, которые не могли участвовать в выборах: неимущих, больных, дряхлых, находящихся в отлучке. На основании документов, которые подавали городские магистраты в Комиссию о коммерции в 1764 г. [5, 35-37, и др.], удалось рассчитать, что процент отпущенных из посада «с пашпортом» относительно всего посадского населения мог составлять от 8,9% (Ярославль) до >1% (Рязк, Тверь, Тула). Реальный процент неимущих для каждого конкретного посада на имеющихся материалах подсчитать не представляется возможным.

Помимо указанных выше методологических трудностей, следует учитывать также некоторую неопределенность круга выборщиков, которых признавал Главный магистрат. Выборные документы показывают, что большинство выборщиков могло быть как представителями первой гильдии (как это было, например, в Москве в 1744 г. [8]), так и третьей (пример чего можно было наблюдать на выборах в Кашине в 1744 г. [19]). Решение о том, принимать или нет результаты голосования, оставалось за Главным магистратом. Практика показывает, что решения этого вопроса могли серьезно варьироваться от города к городу.

Результаты

Результаты проведенных подсчетов представлены в таблице 1.

Сравнительно низкий показатель явки обусловлен тем, что, как уже упоминалось, из общего числа потенциальных выборщиков невозможно выделить ту часть посада, которая не обладала правом голоса (неимущих, больных, дряхлых) и купцов, находившихся в отлучках. Данные таблицы 1 демонстрируют существенный разброс показателей от 2% до 31%.

Примечательно, что одни из самых низких показателей явки на выборы продемонстрировали наиболее крупные города региона и России вообще: Москва (2%) [8], Ярославль (2,8%) [15], Нижний Новгород (4,6%) [9]. Эти города выделены в Регламенте главного магистрата в числе «больших главнейших» (Глава V «О разделении городов») [1]. Посадское население Москвы по II ревизии состояло из 13 559 душ мужского пола, население Ярославля – 5 105 душ, Нижнего Новгорода – 2 187 душ. Помимо размеров этих городов, их объединяет и та ключевая роль, которую они играли в российской торговле. Так, Б.Н. Миронов отмечает, что «купечество этих городов занимало ведущее положение на внутреннем рынке и держало в своих руках всю оптовую торговлю и вследствие этого выступало организатором процесса формирования всероссийского рынка» [50, с. 58].

Таблица 1 – Выборная активность посадских жителей (по самому большому сходу)

Город	Доля совершеннолетних посадских жителей, участвовавших в выборах (в %)	Город	Доля совершеннолетних посадских жителей, участвовавших в выборах (в %)
Москва (1744 г.)	2	Обоянь (1723 г.)	14,9
Ярославль (1744 г.)	2,8	Судиславль (1744 г.)	15,3
Шуя (1744 г.)	3,3	Козлов (1744 г.)	16,2
Елец (1723 г.)	3,4	Зарайск (1745 г.)	17,4
Нижний Новгород (1744 г.)	4,6	Алатырь (1744 г.)	17,8
Орел (1748 г.)	5,4	Брянск (1724 г.)	18,5
Балахна (1747 г.)	6,6	Тверь (1751 г.)	19,1
Вязники (1752 г.)	6,9	Севск (1744 г.)	21
Арзамас (1744 г.)	7,6	Зубцов (1744 г.)	21,2
Кашин (1744 г.)	7,9	Руза (1744 г.)	22,8
Тула (1744 г.)	8	Рязьк (1744 г.)	26
Тотьма (1723 г.)	8,4	Лебедянь (1744 г.)	26,3
Коломна (1723 г.)	9,1	Крапивна (1744 г.)	27,1
Белгород (1744 г.)	10,2	Брянск (1744 г.)	27,4
Ржев (1752 г.)	12	Волоколамск (1744 г.)	29,4
Старая Русса (1744 г.)	14,3	Углич (1744 г.)	31

Столь низкая явка на первый взгляд кажется удивительной для таких крупных торговых городских центров. Однако при ближайшем рассмотрении этому явлению находится простое объяснение. Количество выборщиков, присутствующих на сходе, определялось не только степенью заинтересованности горожан, но и размерами помещения, где собирался выборный сход. А.И. Куприянов, анализируя выборные процессы последней четверти XVIII в., указывает на то, что вместимость залов зданий магистратов, ратуш и земских изб, как правило, не превышала 150 человек [46, с. 193-194]. Ограничения, которые накладывал размер помещения, могут объяснять и сравнительно невысокую явку на выборы в других крупных городах. Так, в Орле, в котором проживало 2 777 посадских мужского пола, явка в 1748 г. составила 5,4% [24, 32]. В Туле, с ее населением в 2 353 посадских мужского пола, в 1744 г. на выборы явилось 8% совершеннолетних мужчин посада [21, 31]. Явка на выборы в Арзамасе в том же 1744 г. составила 7,6% при численности населения 2 126 душ мужского пола [12, 29].

Иногда проблему неравного участия в выборах жителей большого посада решали с помощью специальной организации выборного процесса. Так, Ярославские выборы в 1744 г. проводились «через неоднократные граждан собрания и советы» [15, Л. 2]. Предварительные выборные процедуры, однако, не отражены в документах. Подобным же образом были организованы московские выборы 1722-1723 гг. [7] Однако это не являлось постоянной практикой, о чем свидетельствуют московские выборы 1744 г., которые проходили без каких-либо предварительных собраний [8].

Низкую посещаемость продемонстрировал и ряд других городов: на выборы в Шуе в 1744 г. явилось всего 3,3% совершеннолетних мужчин посада [26, 34]; в Ельце в 1723 г. на магистратских выборах проголосовали лишь 3,4%. Достаточно низкие показатели можно также обнаружить и на посадских выборах в Балахне в 1747 г. [17], в Вязниках в 1752 г. [23] и в Кашине в 1744 г. [19] (6,6%, 6,9%, 7,9% соответственно). Практически все перечисленные города, за исключением Шуи с ее населением 474 души мужского пола [34], представляют собой города среднего размера. В них проживало от 1 117 (Кашин) до 1 650 душ мужского пола (Елец). И практически все эти города объединяет то, что их население стремилось так или иначе облегчить тяготы магистратской службы для посадской общины. Для этого посадские прибегали как к челобитным в Главный магистрат, так и к уклонению от выборов или их затягиванию.

Так, купцы Балахны просили Главный магистрат разрешить служителям Балахнинского магистрата сменяться погодно [17, Л. 31-34 об.]. Посадские жители Вязников [23, Л. 9] и Кашина [19, Л. 127] просили сократить число служителей магистратов в их городах. Посады Шуи [26], Балахны [17], Вязников [23] и Кашина [19] также «волочили» производство выборов: выбирали меньше служителей, чем было положено по регламенту, затягивали с проведением выборного схода, выбирали негодных к службе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для посадских общин этих городов тяготы магистратской службы превышали те преимущества, которые давало магистратское правление. Этим и объясняется весьма низкая заинтересованность купечества в выборах.

Интересны и города, в которых явка на выборные сходы оказалась сравнительно высокой. А.А. Кизеветтер отмечал, что посещаемость выборов заметно возрастает в ситуации, когда разгорается выборный конфликт [42, с. 770]. Это утверждение, однако, требует определенных уточнений. Из всех городов, представленных в таблице 1, наиболее острая выборная борьба и конфликты между разными внутрипосадскими группами вспыхивали в Брянске в 1722-1724 гг. [6], в Алатыре [25], Белгороде [20] и Старой Руссе [13] в 1744 г., во Ржеве в 1745-1752 гг. [27]. Однако в трех из перечисленных городов показатель явки на выборы не превышает даже среднего показателя. В Белгороде явка составила 10,2%, в Ржеве – 12%, в Старой Руссе – 14,3%. Более высокие показатели демонстрируют брянские выборы 1724 г. (18,5%) и алатырские выборы 1744 г. (17,8%). Однако даже они остаются далеко не самыми многочисленными выборными сходами среди изученных нами. Все указанные города отличаются друг от друга размером и административным значением. Населенность их колеблется от 404 душ мужского пола в Алатыре [28] до 2 182 душ мужского пола в Старой Руссе [40, с. 55].

Самым ярким примером того, что влияние внутрипосадского выборного конфликта не является определяющим условием для высокой явки на выборы, служат два эпизода выборов в брянский магистрат: в 1722-1724 гг. и в 1744 г. Во время выборов 1720-х гг. в Брянске разгорелся один из самых ожесточенных выборных конфликтов. Он сопровождался неоднократным применением физического насилия и массовой дракой перед ратушей. Выборы 1744 г. прошли без видимых внутрипосадских конфликтов. При этом, однако, явка на выборы 1744 г. в Брянске составила 18,5%, в то время как в 1744 г. на выборный сход явилось 27,4% совершеннолетних мужчин, проживавших в городе [10, 30]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что внутрипосадские конфликты вовлекали в свою орбиту далеко не все население города, и, если и влияли на выборную активность посадских жителей, то влияние это все же не было решающим.

Однако наибольшая явка на выборы (свыше 25%) все же сопряжена с конфликтом. Но это конфликт совершенно другого порядка: столкновение посадской общины и местной администрации. Указ 1731 г. недвусмысленно предписывал воеводам: «выборов ничем и никак не касаться, и приметок не чинить, и собою не переменять и других не принуждать, но кого купечество удостоит и выбор верующий на него дадут, тем и быть» [2]. Несмотря на это, конфликты между посадами и воеводскими канцеляриями на этой почве были отнюдь не редкостью.

Попытки повлиять на утверждение избранных посадскими жителями кандидатов или навязать купечеству своих кандидатов прослеживаются в выборных делах Крапивны [22] и Ряжска [14]. Можно предположить наличие трений между посадской общиной и воеводской канцелярией в Волоколамске. Выбор, сделанный купечеством, был отправлен напрямую в Главный магистрат, минуя Волоколамскую воеводскую канцелярию, через которую по указам велено было пересылать подобные документы [11].

Наиболее яркий пример реакции посадского населения на вмешательство в выборный процесс местной администрации можно наблюдать на примере выборов 1744 г. в Угличе [16]. При населении города 1706 душ мужского пола [33], на выборный сход явилось 342 человека – число совершенно немыслимое, особенно в свете тех ограничений, которые накладывало на размер схода помещение, где он проводился. Это стало реакцией на попытку воеводской канцелярии повлиять на состав Угличского магистрата. Таким образом, можно заключить, что

наибольший интерес к магистратским выборам посадские жители проявляли именно в ситуациях конфликта с местной администрацией. Это подтверждает гипотезу о том, что магистраты во многом важны были купечеству как защита от произвола воевод.

Выводы

Таким образом, можно заключить, что первоначальные выводы исследователей о чрезвычайно низкой посещаемости выборов, и, следовательно, низком уровне заинтересованности посадского населения в магистратских учреждениях, требуют определенной корректировки. В ряде случаев низкая явка сопряжена не с отсутствием интереса, а с определенными ограничениями, которые накладывало само помещение, в котором проводились выборы, или же со спецификой процедуры выборов. Тем не менее, в ряде посадов явка на выборы действительно оказалась сравнительно низкой. Это можно объяснить тем, что для этих посадов те преимущества, которые предоставляло магистратское правление, не окупали отягощение, которое неизбежно ложилось на всю посадскую общину, когда наиболее обеспеченные ее члены избирались в магистрат. Даже самые напряженные и ожесточенные внутрисадские выборные конфликты не вызывали значительного всплеска посещаемости выборов. Это говорит об относительной локальности этих внутренних столкновений. В то же время наибольший всплеск посещаемости магистратских выборов можно наблюдать во время конфликта посадской общины и местной администрации: в эти столкновения вовлекалась значительная часть взрослых мужчин посада. Таким образом, функция магистрата, как органа, который мог оказать некоторую защиту от произвола местной администрации, оказывается одной из наиболее важных для посадского населения.

Источники и библиография

1. ПСЗ. Т. VII. №. 3708. (это РГМ)
2. ПСЗ. Т. VIII. №. 5794.
3. РГАДА. Ф. 291. Главный магистрат.
4. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки.
5. РГАДА. Ф. 397. Комиссия о коммерции.
6. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 37.
7. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 47.
8. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 269.
9. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 338.
10. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 372.
11. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 380.
12. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 422.
13. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 477.
14. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 590.
15. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 614.
16. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 616.
17. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 627.
18. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638.
19. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 640.
20. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 700.
21. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 703.
22. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 850.

23. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 857.
24. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 964.
25. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1020.
26. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1350.
27. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1496.
28. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 34.
29. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 112.
30. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 449.
31. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1810.
32. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2470.
33. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 3688.
34. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 4143.
35. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Ч. 1. Д. 445/2.
36. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Ч. 1. Д. 445/30.
37. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Ч. 1. Д. 445/35.
38. Бородина Е.В., Киселев М.А., Лазарев Я.А., Редин Д.А. «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2022.
39. Водарский Я. Е. Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) / Проблемы источниковедения. Т. X. М., 1962.
40. Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М.: Наука, 1994.
41. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. I. СПб.: тип. П.П. Меркульева, 1875.
42. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Унив. тип., 1903.
43. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М.: "Археографический центр", 1999.
44. Козлова Н.В. Попытка городской реформы в России в 30-е годы XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1991. № 4. С. 29-42.
45. Козлова Н.В. Купцы-старообрядцы в городах европейской России в середине XVIII века // Отечественная история, № 4, 1999. С. 3-14.
46. Куприянов А.И. Выборы в русской провинции (1775-1861). М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
47. Куприянов А. И. Электоральные культуры горожан и дворян: источники изучения (последняя четверть XVIII в.) // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII-XIX вв. М.: Индрик, 2020.
48. Лыткина К.А. Теоретические основы изучения феномена электоральной культуры // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. №1.
49. Мазилев В.А. Методологические проблемы исследования электоральной активности // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2013. №3 (24).
50. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1981.
51. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

52. Муравьев А.В. Образование московского магистрата // Вестник Московского университета. Серия История, 1963. № 3.

53. Омельченко Н.А., Знаменский Д.Ю., Филимонов Д.А., Яхшиян О.Ю. Петр I и историческая Россия: предпосылки, результаты и конфликтный потенциал петровских государственных преобразований (опыт историко-политологического исследования). М.: Спутник+, 2022.

54. Рафиенко Л. С. Социальный состав сибирских магистратов в 40-80-х годах XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР, 1967. Серия общественных наук. Вып. 1. С. 91-97.

55. Smith Alison K. For the common good and their own well-being: social estates in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 2014.

THE DEGREE OF INTEREST OF POSADSKIE COMMUNITIES IN THE MAGISTRATE'S RULE IN THE XVIII CENTURY. (ON THE BASIS OF ANALYZING THE ATTENDANCE OF ELECTIONS)

Gushchina D.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article presents the updated data on the attendance of elections to city magistrates in 33 cities of European Russia in the middle of the XVIII century. In the course of calculations an attempt was made to take into account only that *popada* population which really had the right to vote. Higher turnout figures were obtained, compared to those available in the historiography. Based on the percentage of turnout for elections in different towns, the level of interest of the townspeople in the magistrate's offices was analyzed. Limiting factors such as the size of the room in which the election meeting was held or special election procedures such as multi-stage voting were taken into account when analyzing attendance. In examining towns where turnout was low, it was found that the townspeople evaded elections or petitioned the Chief Magistrate to alleviate the burdens that the office imposed on the townships. Thus, the *posadnik* communities of these towns were less interested in the magistrates because the burdens of providing the magistrates with servants for the *posadniks* outweighed the benefits of these institutions. It was also examined how attendance at assemblies was affected by electoral conflict. It was concluded that intra-settlement conflicts and electoral struggles did not provoke a strong spike in attendance. At the same time, conflicts of the village community with the local administration and attempts of the latter to interfere in the electoral process caused a significant increase in the attendance of elections. On the basis of these data it is concluded that one of the key functions of the magistrates, which was of interest to the *posadnaya* population, was protection from arbitrariness of the local administration.

Keywords

elected city administration, city magistrates, *posadskaya* community, electoral activity, turnout at elections, *voivod's* office, Chief Magistrate